

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ, ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Въструбимъ, яко во златокovanja трубы, в разумъ ума своего
И начнемъ бити в сребренныя органы[1] возвития мудрости своеа.
Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех!
Востану рано, исповемя ти ся;[2]
Да разверзу въ притчах гадания моя
И провещаю въ языцех славу мою.[3]
Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мой — трость книжника-сорописца,[4]
И уветлива уста, аки речная быстрость.
Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего
И разбих зле, аки древняя — младенца о камень.[5]
Но боюся, господине, похуления твоего на мя.
Азь бо есмь аки она смоковница проклятая: [6]
Не имею плода покаянию.[7]

Имею бо сердце — аки лице безъ очию,
И бысть умъ мой — аки ночный вранъ на нырищи.[8]
Забдех — и расыпаса животъ мой, аки ханаонскыи царь, буестию;[9]
И покры мя нищета, аки Чермное море фараона.[10]
Се же бе написах, бежа от лица художества моего,
Аки Агарь рабыни от Сарры,[11] госпожа своеа.

Но видих, господине, твое добросердие к собе
И притекох къ обычной твоей любви.
Глаголетъ бо въ Писании:
Просящему у тебе дай, толкущему отверзи,[12]
Да не лишенъ будеши царствия небеснаго.
Писано бо есть:
Возверзи на Господа печаль свою,
И той тя препитаеть въ веки.[13]

Азь бо есмь, княже господине,
Аки трава блещена, растяще на застении,[14]
На нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет;
Тако и азъ всемя обидимъ есмь,
Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа,
Яко плотомъ твердымъ.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня,
Но зри на мя, аки мати на младенець.

Возри на птица небесныя,
Яко тии не орють, ни сеють,[15] но уповають на милость Божию;
Тако и мы, господине, желаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво,[16] а мне горе лютое;
Кому Бело озеро, а мне черней смолы;
Кому Лаче озеро,[17] а мне, на нем сидя, плачь горкий;
И кому ти есть Новъгород,[18] а мне и углы опадали,
Зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене,
Зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ.
Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило,
А при напасти аки врази обретаются
И паки помагающе подразити нози мои;
Очима бо плачются со мною, а сердцемъ смеють ми ся.
Темъже не ими другу веры, ни надейся на брата.

Не лгаль бо ми Ростиславъ князь:
«Лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение»:[19]
Такоже и мужеви:
Лепше смерть, ниже продолжень животъ в нищети.
Темъже вопию к тебе, одержимъ нищетою:
Помилуй мя, сыне великаго царя Владимера,[21]
Да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая;
Пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужъ везде знаем есть,
И на чюжей стране друзи держать,
А убогъ во своей ненавидим ходить.
Богат возглаголетъ — вси молчат
И вознесут слово его до облакъ,
А убогий возглаголетъ — вси на нь кликнуть.[22]
Ихже ризы светлы, тех речъ честна.

Княже мой, господине!
Избави мя от нищеты сея,
Яко серну от тенета,
Аки птенца от кляпци,[23]
Яко утя от ногти носимаго ястреба,
Яко овца от устъ лвовъ.

Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути:
Мнозии бо посекають его и на огнь мечють;
Тако и азъ всем обидимъ есмь,
Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа.[24]
Якоже бо олово гинеть, часто разливаемо,
Тако и человекъ, приемля многия беды.
Никтоже может соли зобати, ни у печали смыслити.

Всякъ бо человекъ хитрить и мудрить о чюжей беди,
А о своей не можетъ смыслити.
Аще кто в печали человека призрит,
Какъ студеною водою напоить во знойный день.

Птица бо радуется весни, а младенецъ матери;
Весна украшаетъ цветы землю,
А ты оживляеши вся человеки милостию своею,
Сироты и вдовицы, от велможъ погружаемы.
Княже мой, господине! Яви ми зракъ лица своего,
Яко гласъ твой сладокъ, и образ твой красенъ;
Мед истачають устне твои,[26] и послание твое — аки рай с плодом.

Но егда веселишися многими брашны —
А мене помяни, сух хлебъ ядуща;
Или пиеши сладкое питие —
А мене помяни, теплу воду пиюща от места незаветрена;[27]
Егда лежиши на мягких постелях под собольими одеялы —
А мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа,
И каплями дождевыми, аки стрелами, сердце пронизающе.

Да не будет, княже мой, господине,
Рука твоя согбена на подание убогих: [28]
Ни чашею бо моря расчерпати,
Ни нашим иманиемъ твоего дому истощити.
Якоже бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы,
Тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра,
Но раздавай людем.

Паволока[29] бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть;
Тако и князь многими людми честенъ и славенъ по всемъ странам.
Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя Вавилонскаго[30]
И показа им множество злата и сребра, —
Они же реша:
Нашъ царь богатей тебе не множеством злата, но множеством воя,
Зане мужи злата добудуть, а златом мужей не добыти.

Дивиа за буяном кони паствити;[34]
Тако и за добрымъ князем воевати.
Многажды безнарядиемъ полци погибають.
Видих: великъ зверь, а главы не имеетъ;
Тако и многи полки без добра князя.
Гусли бо страются персты,
А тело основается жилами,
А дубъ крепится множеством корения;
Тако и градъ нашъ — твоею дръжавою.

Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим;
Мнозии бо оставляють отца и мать, к нему прибегают.

Доброму бо господину служа, дослужится слободы,
А злу господину служа, дослужится болшей работы.
Зане князь щедръ — аки река, текуща без бреговъ сквози дубравы,
Напаяюще не токмо человеки, но и звери,
А князь скупъ — аки река въ брезех, а брезии камены:
Нелзи пити, ни коня напоити.

А бояринъ щедръ — аки кладяз сладокъ при пути:
Напаяетъ мимоходящих.
А бояринъ скупъ — аки кладязь сланъ.
Не имей собе двора близъ царева двора
И не дръжи села близъ княжа села:
Тивунъ бо его — аки огонь, трепетицею накладень,
И рядовичи его — аки искры.[35]
Аще от огня устережешися,
Но от искоръ не можеша устеречися
И сождения портъ.

Господине мой! Не лиши хлеба нища мудра,
Ни вознесе до облакъ богата несмыслена.
Нищъ бо мудръ — аки злато в кални судни,
А богат красень и не смыслить —
То аки паволочито изголовие, соломы наткано.

Господине мой! Не зри внешняя моя,
Но возри внутренняя моя.
Азь бо одениемъ оскуденъ есмь, но разумом обилень;
Унь възраст имею, а старъ смыслъ во мне.
Бых мыслию паря, аки орель по воздуху.

Но постави сосуд скуделничъ[36] под потокъ капля языка моего,
Да накаплеть ти слажше меду словеса усть моих.
Якоже Давидъ рече:
Сладка суть словеса твоя, паче меда устомъ моимъ.[37]

Мужа бо мудра посылай — и мало ему кажи,
А безумнаго посылай — и самъ не ленися по немъ ити.
Очи бо мудрых желают благых,
А безумнаго — дому пира.[39]

Лепше слышати прение умных, нижели наказания безумных.[40] Дай бо премудрому вину — премудрие будетъ.[41] Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных.[42] Безумных бо ни сеють, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят. Какъ в утель мех[43] лити, такъ безумнаго учить. Псомъ бо и свиньямъ не надобе злато, ни сребро, ни безумному — драгии словеса. Ни мертвеца посмеши, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синица орла, коли камение всплавлет по воде, и коли иметь свинья на белку лаяти, — тогда безумный уму научится.

Или ми речеши: «От безумия ми еси молвилъ». — То не видал есмь неба польстяна, ни звиздъ лутовых, ни безумнаго, мудрость глаголющъ. Или ми речеши: «Сългалъ еси, аки песь». — Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: «Сългалъ еси, аки тать». — Аще бых украсти умель, то

только бых к тебе не скорбиль. Девица бо погубляет красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

Господине мой! То не море топить корабли, но ветри;
Не огонь творить ражежение железу, но надымание мешное;
Такоже и князь не самъ впадаетъ въ вещь, но думци вводятъ.
З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть,
А с лихимъ думцею думая — меншего лишень будеть.

Глаголетъ бо в мирскихъ притчах:
Не скотъ въ скотехъ коза,
Ни зверь въ зверехъ ожь,
Ни рыба въ рыбахъ ракъ,
ни потка въ поткахъ нетопырь,
не мужъ в мужехъ, иже кимъ своя жена владееть,
не жена в женахъ, иже от своего мужа блядеть,
не робота в роботахъ — под жонками повозъ возити.[44]

Дивней дива, иже кто жену поймаеть злообразну прибытка деля. Видех жену злообразну, причинюще к зеркалу и мажущися румянцемъ, и рех ей: «Не зри в зеркало, видевши бо нелепоту лица своего, зане болшую печаль приимеши».

Или ми речеши:
«Женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пей и яжь».
Ту лучше ми волю буръ вести в дом свой, неже зла жена поняти.
Волю бо ни молвить, ни зла мыслить,
А зла жена бьема бесеться, а кротима высится;
Въ богатестве гордость приемлетъ, а в убожестве иных осужаетъ.

Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на ея ласковая словеса и льстива, а дель ея не испытаетъ, то дай Богъ ему тряскею болети, да будетъ проклят. Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену: и рече мужу своему: «Господине мой и свете очию моею! Азь на тя не могу зрети. Егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тела моего, и поничю на землю».

Добра жена — венецъ мужу своему и безпечалие, а зла жена — лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена домъ мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездити, нежели зле жене тайны поведати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лучше есть камень долоти, нежели зла жена учить. Железо уваришь, а злы жены не научишь: зла бо жена ни учения слушаетъ, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всех

Не у когоже умре жена. Онъ же по малыхъ днехъ нача дети продавати. И люди реша ему: «Чему дети продаешь?» Онъ же рече: «Аще будутъ родилися в матеръ, то, возрошши, мене продадутъ».

Азь бо, княже, ни за море ходиль, ни от философъ научихся,
Но быхъ аки пчела, падая по рознымъ цветомъ, совокупляя медвеный сотъ;
Тако и азь, по многимъ книгамъ избирая сладость словесную и разум,
И съвокупихъ, аки в мехъ воды морския.[48]

Да уже не много глаголю.
Да не буду аки мехъ утель,
Роня богатство в руци неимущимъ;

Да не уподоблюся жорновом,
Яко тии многи люди насыщают,
А сами себе не могут насытитися жита.

Да не възненавидим буду миру со многою беседою,
Якоже бо птиця, частяще песни своя, скоро възненавидима бываеть.
Глаголеть бо в мирских притчах:
Речь продолжена — не добро, добро — продолжена паволока.

Господи! Дай же князю нашему
Самсонову силу, храбрость Александрову,[50]
Иосифль разумь,[51] мудрость Соломоню и хитрость Давидову.[52]
И умножи, Господи, вся человеки под руку его.
Богу нашему слава и ныне, и присно, и в век.

[1] Арганы. — Здесь, вероятно, бубны, судя по выражению «бити в... арганы». Ср. в «Александрии»: «Ударьте в бубны, иже зовутца арганы, сии же таково три разных писков имеют».

[2] Встани, слава моя, встани въ псалтыри и в гуслех! // Востану рано, исповемя ти ся. — Словами Давида Псалмопевца (ср. Пс. 56, 9; 107, 3—4) Даниил говорит о своем желании возродить былую славу песнетворца, исполняющего песни под аккомпанемент музыкальных инструментов (псалтири и гуслей), и о своем решении обратиться с этой целью к князю с исповедальным посланием.

[3] Да разверзу въ притчах гадания моя // И провещаю въ языцех славу мою. — Ср. Пс. 77, 2; 95, 3.

[4] Бысть языкъ мой — трость книжника-сорописца.... — Ср. Пс. 44, 2. Трость (отточенный кусок тростника) — один из инструментов для письма в древности.

[5] ... и разбих зле, аки древняя — младенца о камень. — Ср. Пс. 136, 9. Используя библейский образ младенцев, безжалостно разбиваемых врагами о камень, Даниил, вероятно, подчеркивает свое страстное желание освободиться раз и навсегда от того, что тяготит и гнетет его.

[6] ... аки она смоковница проклятая... — Даниил сравнивает себя со смоковницей (фиговое дерево, инжир), которую, согласно Евангелию (Мр. 11, 13—14, 20—21), Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял за то, что она не плодоносила, будучи плодовым деревом, после чего эта смоковница засохла.

[7] ... не имею плода покаянию. — Ср.: «Сотворите убо плоды достойны покаяния» (Лк. 3, 8).

[8] Имею бо сердце — аки лице безъ очю, // И бысть умъ мой — аки ночный вранъ на нырищи. — Этим выражением Даниил объясняет, почему он не имеет «плода покаяния». Вероятно, смысл его таков: «имел я бесстрастное сердце и настороженный, бодрствующий, как филин в ночи, ум», то есть руководствовался в своих поступках не сердцем, а разумом. Образ бодрствующего филина на развалинах заимствован из Псалтири. Ср. Пс. 101, 7—8.

[9] Забдех — и расыпаса животъ мой, аки ханаонский царь, буестию. — Смысл данного выражения, вероятно, таков: пребывая в бдении (бдительно, ревностно служа князю), Даниил своей «буестью» (дерзостью, излишней прямоотой) погубил, расстроил свою жизнь, подобно хананейским царям. Говоря о буести хананейских царей, Даниил, очевидно, имел в виду библейский рассказ о том, как они, проявив непокорность, гордыню, встретили войной израильтян, отказались сдать им

свои города, предназначенные израильтянам самим Богом, за что все хананейский города были преданы заклятью и полностью истреблены (См. Нав. 11, 19—20; Пс. 134, 10—12).

[10] ... аки Чермное море фараона. — Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском (См. Исход, 14).

[11] ... аки Агарь рабыни от Сарры... — Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму «войти» к служанке своей Агари. Агарь, видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра с позволения Авраама «смиряла» Агарь, и та убежала. (См. Бытие, 16.)

[12] Просящему у тебе дай, толкущему отверзи. — Ср. Мф. 5, 42.

[13] Возверзи на Господа печаль свою, // И той ты препитаешь въ веки. — Ср. Пс. 54, 23.

[14] Застение. — Здесь — пространство между двумя смежными городскими (крепостными) стенами, застенки.

[15] Возри на птица небесныя, // Яко тии не орють, ни сеють... — Ср. Мф. 6, 26.

[16] Боголюбиво. — Боголюбово, город недалеко от Владимира. Вероятно, Даниил сознательно написал название города через «и», обыгрывая первоначальное значение имени: Богом любимое.

[17] Лаче озеро — озеро Лаче на севере Новгородской области, куда, судя по всему, был сослан Даниил.

[18] Новъгород. — Новгород Великий. Автор обыгрывает семантику этого топонима: Новый город для Даниила настолько старый, что и углы домов в нем разрушились, поскольку не сложилась счастливо его жизнь в Новгороде: он был изгнан из него князем.

[19] Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: // «Лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение». — Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым, когда великий князь Всеволод Ольгович изгонял его с Переяславского престола, отдавая взамен Курское княжество (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Выражение «Не лгаль бо ми...» не означает, что приведенные слова были сказаны Ростиславом автору послания, Даниилу, поскольку «ми» является здесь не личным местоимением, а усилительной частицей.

[20] Якоже бо Соломонъ рече: // Ни богатства... помышляю на татбу и на разбой. — Ср. Притч. 30, 8—9.

[21] ...сыне великаго царя Владимира — Под Владимиром Даниил мог разумеать как Владимира Мономаха, «сыном» (потомком) которого был Ярослав Владимирович, так и отца адресата — Владимира Мстиславича, который, пусть недолго, но сидел на Киевском столе, и потому мог быть назван «великим царем (князем)».

[22] Богат възглаголетъ — вси молчат... // А убогий възглаголетъ — вси на нь кликнуть. — Ср. Сирах 13, 28—29.

[23] ... яко серну от тенета, // Аки птенца от кляпци... — Ср. Притч. 6, 5.

[24] ... зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа. — В данном случае при глаголе «ограженъ» требуется по смыслу частица «не», отсутствующая во всех списках «Слова». С палеографической

точки зрения пропуск «не» после «зане» вполне объясним, такие случаи постоянно встречаются, как указал академик В. М. Истрин.

[25] Молеве, княже, ризы едятъ, а печаль — человека; // печалну бо мужу насышють кости. — Ср. Притч. 25, 21 и 17, 22.

[26] Яви ми зракъ лица своего,... // Мед истачають устне твои... — Ср. Песнь 2, 14 и 4, 11.

[27] Или пиеши сладкое питие... от места незаветрена... — Ср. Изборник Святослава 1076 г.: «Насыштя ся многосластьянаго пития, помяни пиюштааго теплу воду, отъ слънца вьстопевьшу, и ту же пороха нападышу отъ места не заветръна».

[28] Да не будет... рука твоя согбена на подание убогих. — Ср. Сирах 4, 35.

[29] Паволока — шелковая или иная дорогая ткань.

[30] Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя Вавилонскаго... — Езекия (Иезекииль) — еврейский царь. Согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить Бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и предрек, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон (см. Ис. 39, 1—6).

[31] Якоже рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ... — Имеется в виду Святослав Игоревич, сын Ольги, князь X в., совершавший походы на Царьград.

[32] Поженет бо единъ сто, а от ста двинется тма. — Ср. Вт. 32, 30.

[33] Надеся на Господа яко гора Сионъ: не подвижится въ веки. — Ср. Пс. 124, 1. Сион — гора близ Иерусалима.

[34] Дивиа за буяном кони паствити... — Слово «буян» словари дают только со значением «дерзкий, наглый человек». Однако исходя из того, что прилагательные «буявый» и «буй» означали не только «дерзкий, наглый», но и «отважный, смелый», можно думать, что и слово «буян» имело значение «отважный, смелый». Смысл сравнения в таком случае в следующем: так же, как опытный и храбрый табунщик справляется с табуном коней, так и доблестный, мудрый князь умело организует многочисленные полки на поле боя.

[35] ... тивунъ бо его — аки огонь, трепетицею накладень, // И рядовичи его — аки искры. — Тиун — княжеский управляющий. Рядовичи. — закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Тиун сравнивается с огнем костра, разложенным на осине, горящей ровным, спокойным пламенем, без искр, а рядовичи — с искрами от искрящего огня. Смысл сравнения в том, что от неискрящего огня можно уберечься, но от множества искр уберечься нельзя: от одной из них обязательно пострадаешь.

[36] ... сосуд скуделничъ... — Даниил, используя цитату из Изборника Святослава 1076 г. («Простъри сердечный съсудъ, да накаплють ти словеса слажыша меду»), заменяет «сердечный» на «скудельничъ».

[37] Сладка суть словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. — Ср. Пс. 118, 103.

[38] Ибо Соломонъ рече: ... сердце безумному. — Искорженная цитата из Притч Соломона. Ср. Притч. 16, 24.

[39] Очи бо мудрых желаютъ благых, // А безумнаго — дому пира. — Ср. Ек. 7, 3—5.

[40] Лучше слышати прение умных, нижели наказания безумных.— Ср. Ек. 7, 6. У Екклзиаста не «прение», а «прещение» (угроза).

[41] Дай бо премудрому вину — премудрие будеть. — Ср. Притч. 9, 9.

[42] Не сей бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. — Вероятно, наставление не сеять рожь на бороздах следует понимать как совет не сеять хлеб на незабороненном поле, то есть на бороздах, образовавшихся в результате вспашки. Смысл сравнения в том, что сердце глупого — плохо подготовленная к восприятию зерен мудрости почва. Выражение это встречается в «Поучении Кирилла Философа».

[43] Мех — мешок, в данном случае кожаный, для хранения воды, — бурдюк.

[44] ... под жонками повозъ возити. — Повоз возити — фразеологизм, означающий «обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место». Поскольку извоз был сугубо мужским делом, выполнять его «под женками», то есть под руководством женщин, справедливо считалось «не работой в работах».

[45] Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: // «Крестъ есть глава церкви, а мужъ — жене своей». — Ср. Еф. 5, 23.

[46] ... жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворень бысть... — Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу. См. Быт., 39.

[47] ... жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша... — Согласно Библии, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, однако причиной этого была не женщина. См. Дан. 6, 10—24; 14, 23—40.

[48] ... и съвокупих, аки в мех воды морския. — Ср. Пс. 32, 7.

[49] Не отметаи безумному прямо безумию его, да не подобень ему будеши. — Ср. Притч. 26, 4.

[50] ... храбрость Александрову... — Александр Македонский (356—326 гг. до н. э.), царь и полководец, прославившийся своим мужеством и храбростью.

[51] ... Иосифль разумъ... — Согласно Библии, Иосиф Прекрасный отличался мудростью, за что египетский фараон сделал его своим соправителем. См. Быт., 41, 42—43.

[52] ... хитрость Давидову... — Речь идет об иудейском царе Давиде, который благодаря своей хитрости удачно спасся в молодости от преследований Саула. См. 1 Цар. 18, 10—29.

Слово Даниила Заточника (оригинал)